

И. М. Голова

ОБОСНОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ¹

В статье рассматриваются методологические проблемы обоснования стратегических приоритетов обеспечения инновационной безопасности регионального развития. Показано, что в современных условиях инновационную безопасность правомерно рассматривать как самостоятельное и очень важное направление обеспечения безопасности жизнедеятельности региона. При этом инновационную безопасность следует понимать как качественную характеристику, дающую представление о соответствии территориальных социально-экономических систем требованиям и вызовам инновационной экономики, включая их способность к рекомбинациям. Рассмотрены основные закономерности и особенности взаимовлияния и взаимодействия инновационных и традиционных факторов социально-экономического роста территорий. Обоснована необходимость совместного комплексного рассмотрения проблем инновационного и социально-экономического развития при управлении инновационной безопасностью региона. Даны предложения по принципиальным подходам к решению задачи выбора приоритетных направлений усиления источников успешного инновационного развития с учетом специфики конкретных территорий. Основные положения проиллюстрированы на примере регионов Уральского федерального округа.

Ключевые слова: инновационная безопасность, инновационная стратегия, социально-экономические трансформации, усиление источников инновационного роста

Изменение макроэкономической ситуации, обусловленное нарастанием процессов глобализации, вызвало к жизни новые угрозы региональному развитию. С одной стороны, регион сегодня по очень многим позициям выступает как непосредственный участник мирохозяйственных связей, что, естественно, открывает перед ним новые возможности. С другой — конкуренция тоже приобрела глобальные масштабы и в купе с повышенной пространственной мобильностью производств просто не оставляет шансов на сохранение достигнутых темпов социально-экономического роста тем странам и регионам, которые по какой-либо причине медлят с запуском инновационных процессов.

Для России усиление инновационной составляющей общественного развития тем более актуально, что с точки зрения мировой конъюнктуры она сегодня оказалась, как отмечает В. Мау, в так называемой ловушке «средних доходов» [11, с. 20-21]. Ввиду технологической отсталости производства и неэффектив-

ности институтов Россия в настоящее время уже не может конкурировать с экономиками, обладающими высококвалифицированной рабочей силой и экспортирующими инновации; одновременно, из-за относительно высокой стоимости рабочей силы, она явно неконкурентоспособна и по сравнению со странами с низким уровнем доходов и дешевым производством. А значит, рассчитывать на сколько-нибудь существенный приток зарубежных инвестиций в обрабатывающий сектор РФ в обозримой перспективе не приходится.

Развивающийся в настоящее время очередной мировой экономической кризис очень резко обозначил проблему усиливающейся инновационной недееспособности российского производственного комплекса, которая в условиях глобализации может спровоцировать обвальное разрушение остатков обрабатывающей промышленности страны, и, в первую очередь, ее машиностроительного комплекса. Проведенные расчеты показывают, что по сравнению с 2000 г., сокращение занятых в РФ более чем на 60 % произошло только по двум

¹ © Голова И. М. Текст. 2014.

видам обрабатывающих производств: производству текстильной и швейной продукции и производству машин и оборудования.

Вариант же дальнейшей деиндустриализации и жизни за счет продажи природных ресурсов для России также бесперспективен и чреват социальными взрывами и масштабной деградацией населения. Особенно если учесть, что от предыдущего этапа истории нам досталось в наследство множество моногородов, подавляющее большинство которых в реалиях сырьевой экономики совершенно нежизнеспособно. Кроме того, из-за усиления экспансии Китая на мировых сырьевых рынках и выхода на них других новых игроков угроза сжатия спроса и потери традиционных покупателей постепенно становится реальностью не только для российского высокотехнологичного сектора, но и для предприятий, работающих в сфере низких переделов минерального и углеводородного сырья. Так, только за 2013 г. экспорт российской стальной металлопродукции в денежном выражении сократился на 13,2 %, цветных металлов — на 5,8 %; закрылось несколько алюминиевых предприятий [12].

Поэтому развитие России объективно возможно только в русле инновационной парадигмы.

Высокая динамичность экономических процессов, характерная для современного этапа глобализации, и резкое усиление влияния инновационных факторов на благополучность существования местных сообществ, причем не только в долгосрочной, но уже и в среднесрочной перспективе, требуют пересмотра традиционных методологических и методических подходов к управлению развитием территории. Речь идет, в первую очередь, об адекватном отражении в теории и практике управления возросшей роли инноваций в обеспечении успешности и устойчивости развития региональных социально-экономических систем. В частности, сегодня при разработке социально-экономической стратегии уже вряд ли правомерно рассматривать инерционный и инновационный варианты развития территории как во многом противопоставленные друг другу. Реальность такова, что даже инерционное развитие большинства российских регионов, особенно старопромышленных, в новых экономических условиях не может быть обеспечено без серьезных усилий по укреплению внутренних источников инновационного роста.

Между тем методологические вопросы обеспечения инновационной безопасности в настоящее время в научной литературе прак-

тически не проработаны. Отсутствует даже и само понятие инновационной безопасности. По мнению автора, инновационная безопасность является подвидом социально-экономической безопасности. В настоящее время она все отчетливее выступает как самостоятельное и очень важное направление обеспечения безопасности жизнедеятельности.

Инновационная безопасность региона — это состояние инновационных процессов, которое обеспечивает успешное долговременное социально-экономическое развитие территории по научно-техническому и технологическим параметрам. Свое отражение инновационная безопасность находит, прежде всего, в степени инновационной восприимчивости производства, соответствии производственно-технологической базы мировому уровню, способности к созданию собственных инноваций высокого и среднего уровня, обеспеченности региона высококвалифицированными специалистами.

При решении стратегических проблем повышения конкурентоспособности территориального развития инновационную безопасность следует понимать, прежде всего, как качественную характеристику, дающую представление о соответствии социально-экономических систем требованиям и вызовам инновационной экономики, включая их способность к своевременным позитивным рекомбинациям, по таким ключевым позициям, как состояние человеческого потенциала, производственно-технологической среды и институтов управления общественными процессами. При этом саму инновационную экономику, в соответствии со сложившимся к настоящему времени в научном сообществе устойчивым представлением, можно определить как особый тип хозяйствования, при котором, в отличие от экономики индустриального типа, основой развития становятся знания и навыки, а конкурентные преимущества базируются, главным образом, на специализированных и высокотехнологических факторах [17, с. 78].

Это предполагает ряд принципиальных отличий в подходах к анализу инновационной безопасности развития территории и формированию каких-либо формализованных показателей ее оценки от достаточно распространенных в настоящее время методик оценки инновационного потенциала, в которых инновационная деятельность обычно рассматривается как некий самостоятельный вид деятельности, существующий наряду с другими и осуществляющийся независимо от них.

В настоящее время разработка различных рейтингов регионов РФ по разным параметрам инновационной деятельности в российской экономической науке стала одним из популярных занятий. Это, конечно, очень полезный этап освоения отдельных элементов зарубежного опыта управления инновационным развитием, но, представляется, он весьма затянулся. К сожалению, большинство исследователей до сих пор ограничивается тем, что некритично транслирует известные методики Евросоюза, Всемирного экономического форума (ВЭФ), других международных организаций, которые изначально ориентированы на сравнение по способности к инновационному развитию суверенных стран, на решение задачи сопоставления по состоянию инновационных факторов роста регионов одной страны, причем унитарного типа с жестко выстроенной вертикалью власти.

Это хорошо видно на примере достаточно широко растиражированной работы Высшей школы экономики по составлению инновационного рейтинга российских регионов [15], методика расчета которого во многом является упрощенным аналогом методики формирования регулярно обновляемого Глобального инновационного индекса [24] международной бизнес-школы INSEAD и Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO); также в ней использован опыт построения Инновационного табло Евросоюза (Innovation Union Scoreboard) [22].

При рассмотрении методики построения данного рейтинга обращает на себя внимание, что предлагаемый авторами инновационный индекс рассчитывается практически как среднее арифметическое 4 субиндексов, которые призваны отражать: а) социально-экономические условия развития инновационной деятельности в регионе; б) его научно-технический потенциал; в) состояние инновационной деятельности; г) качество региональной инновационной политики (имеется в виду качество инновационной политики, осуществляемой непосредственно региональными органами власти). Строго говоря, весовые коэффициенты при этих субиндексах есть, но они зависят не от значимости фактора для обеспечения инновационного развития региона, а от количества учтенных при его расчете показателей. А так как оно обычно принимается близким, то и различие между максимальным и минимальным значениями весовых коэффициентов тоже незначительно; в данном случае оно составляет менее пяти сотых.

При этом субиндекс, характеризующий качество региональной политики, рассчитывается на основании сведений о наличии в субъекте РФ региональных законодательных актов и программ по поддержке научной и инновационной деятельности, региональных институтов развития (имеются в виду различные фонды и корпорации развития), оказывающих содействие субъектам инновационного предпринимательства, а также данных о доле региональных бюджетов в общем объеме затрат на осуществление научно-технической и инновационной деятельности [15, с. 18-19].

Такой подход сразустораживает, так как эта, на первый взгляд, достаточно логичная схема совершенно не учитывает российских реалий, в частности, законодательных и финансовых возможностей воздействия на состояние инновационных процессов на подведомственных территориях, которые имеются в распоряжении органов власти субъектов РФ и муниципалитетов.

В большинстве стран, ориентирующихся на инновационную модель, даже унитарного типа (как, например, Франция), регионы действительно имеют достаточно большие полномочия по решению возникающих проблем в развитии инновационной деятельности. Такой подход вытекает из общей идеологии инновационной экономики, которая направлена на укрепление творческого потенциала местных сообществ и создания условий для его актуализации. Сегодня в США, Японии, Германии, Франции и других странах регионы сильно конкурируют между собой в части формирования местной базы инновационного развития, стремясь создать либо привлечь как можно больше новых предприятий, научных и инновационных центров, как национальных, так и зарубежных [20, с. 21].

В настоящее время органы власти субъектов РФ практически отстранены от управления научной и инновационной сферой. С одной стороны, в соответствии с законодательством субъект РФ полномочен решать вопросы организации и осуществления региональных научно-технических и инновационных программ и проектов. Поправками 2011 г. в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» ему разрешено оказывать финансовую поддержку участникам инновационной деятельности практически во всех формах, которые известны в мировой практике. С другой — это право так и не было подкреплено соответствующим расширением бюджетных полномочий субъектов РФ и муниципалите-

Таблица 1

Внутренние затраты на исследования и разработки в РФ по источникам финансирования

Источник финансирования	2011 г.		2012 г.	
	млн руб.	% от всего	млн руб.	% от всего
Все затраты	610426,7	100,00	699869,8	100,00
в том числе по источникам финансирования:				
средства бюджета ¹⁾	400235,7	65,57	462203,2	66,04
из них — консолидированных бюджетов субъектов РФ ²⁾	5278,0	0,86	4 160,6	0,59
собственные средства научных организаций	73293,5	12,01	78520,6	11,22
средства внебюджетных фондов	8808,5	1,44	11675,6	1,67
средства организаций предпринимательского сектора	99408,1	16,29	118219,6	16,89
средства образовательных учреждений высшего профессионального образования	1568,8	0,26	891,8	0,13
средства частных некоммерческих организаций	966,5	0,16	608,4	0,09
средства иностранных источников	26145,5	4,28	27750,7	3,97

Примечания: 1) — включая бюджетные ассигнования на содержание образовательных учреждений высшего профессионального образования и средства организаций государственного сектора; 2) — по данным Федерального казначейства. Составлено по: [16, с. 504; 19].

тов и изменением порядка управления бюджетными процессами. В результате на практике возможности финансового стимулирования инновационной активности за счет региональных бюджетов сведены к минимуму.

Все научные организации, созданные в до-реформенный период (а именно они до сих пор являются основой научного потенциала страны), и их основные фонды еще в первый период приватизации были признаны федеральной собственностью. Государственное управление высшим образованием также является исключительной прерогативой федерального центра. Бюджетный кодекс очень жестко пресекает любые попытки нецелевого расходования средств (а финансовая поддержка федеральных государственных научных учреждений и высокотехнологичных предприятий за счет средств региональных бюджетов квалифицируются современным законодательством именно так).

Налоговым кодексом субъектам РФ разрешено предоставлять льготы по региональной ставке налога на прибыль и налогу на имущество, и ряд регионов, в том числе Москва и Свердловская область, используют эту, пусть и небольшую, возможность для облегчения налогового бремени научных организаций и объектов инновационной инфраструктуры. Однако воспользоваться правом на предоставление льгот субъектам предпринимательства по действующему законодательству регионы могут только при соблюдении принципа сбалансированности бюджета. На практике это означает, что дотационным регионам (а таких в России, в силу неоправданно высокой моби-

лизации собираемых средств в федеральный бюджет, большинство) этот механизм не доступен вовсе, а в экономически неблагоприятные годы (то есть в периоды, когда научная и инновационная деятельность особенно нуждается в защите государства) от него могут быть вынуждены отказываться и некоторые регионы-доноры. Поэтому основным направлением финансовой поддержки инновационной деятельности для большинства регионов РФ остается минисубсидирование малых предприятий.

Доля консолидированных бюджетов субъектов РФ в общем объеме бюджетного финансирования науки за все время реформ не превышала 1-2 % (и это — без учета затрат федерального бюджета на НИОКР оборонного характера). Так, в 2012 г., по данным Федерального казначейства [19], из консолидированных бюджетов субъектов РФ на финансирование НИОКР было направлено всего 4,2 млрд руб., или 1,2 % общих бюджетных затрат на эти цели. В общей структуре внутренних затрат на исследования и разработки в целом по РФ средства региональных бюджетов сегодня составляют микроскопические 0,59 % (табл. 1).

Ситуация с участием регионов в финансовом обеспечении инновационной деятельности еще печальней. Как видно из табл. 2, доля консолидированных бюджетов субъектов РФ в общих затратах на инновации в настоящее время ограничивается 0,18 % (табл. 2). То есть управляющее воздействие со стороны региональных органов власти на развитие инновационных процессов на территории находится практически за гранью чувствительности социально-экономических систем.

Затраты на технологические инновации в РФ по источникам финансирования

Вид деятельности	2005 г.		2012 г.	
	млн руб.	% от всего	млн руб.	% от всего
Добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды — всего	125678	100,00	583661	100,00
в том числе:				
собственные средства организации	98920	78,71	427906	73,31
средства федерального бюджета	5489	4,37	42500,6	7,28
средства бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов	887,6	0,71	1034,3	0,18
средства внебюджетных фондов	137,8	0,11	3463,7	0,59
иностранные инвестиции	1908,1	1,52	15638,4	2,68
прочие средства	18335,7	14,59	93117,4	15,95

Составлено по: [16, с. 515].

В связи с этим встает вопрос о целесообразности попыток уловить различия во вкладе региональных властей в осуществление пространственной инновационной политики России при сравнении субъектов РФ по способности к инновационному развитию, или, как минимум, о необходимости адекватного отображения уровня действительного влияния данного фактора на ситуацию в регионах при формировании инновационного индекса. Пока же вывод авторов о том, что фактор качества региональной инновационной политики является ведущим для большинства регионов РФ, особенно имеющих высокий инновационный потенциал [15, с. 60], не соответствует реальному положению дел и лишь выдает желаемое за действительное (если, конечно, не иметь в виду пространственный компонент федеральной государственной политики).

По данным статистических сборников о состоянии инновационной деятельности в РФ, которые готовит также НИУ ВШЭ, видно, что даже в таких инновационно продвинутых регионах, как Калужская область, доля консолидированного регионального бюджета в общих затратах на инновации промышленности составляет 0,4 %, а федерального — 20,7 %; в Санкт-Петербурге — 0,5 % и 18,7 %, а в Свердловской области — 0,1 % и 2,7 % соответственно. В Москве вклад федерального бюджета в затраты на инновации составляет 11 %, а сведения о расходах консолидированного регионального бюджета Москвы на эти цели отсутствуют [7, с. 409-411].

Конечно, такое положение с распределением компетенций по управлению региональным инновационным развитием между Федерацией и субъектами Федерации нельзя признать нормальным. Как показали расчеты,

максимальное значение затрат на технологические инновации по субъектам РФ в 2012 г. (последний, по которому на момент написания статьи соответствующие данные представлены на сайте Росстата, [14]) составляло 730 тыс. руб. в расчете на 10 тыс. занятых в экономике, тогда как медианное — только 55 тыс. руб. По объемам выпуска инновационной продукции, также в расчете на 10 тыс. занятых, разбег еще более существенный: максимум находится на уровне 11 млн руб., медиана — 130 тыс. руб., а 1 квартиль — 30 тыс. руб. Обеспечить эффективное управление инновационными процессами такой большой и крайне разнородной территории из центра невозможно. Поэтому настоятельно требуется принятие мер по расширению участия региональных и муниципальных органов власти, так как последние при решении проблем активизации инновационной деятельности конкретных территорий могут действовать более гибко и эффективно. Но пока это — дело будущего.

Сегодня же практически единственным вариантом оказания существенной финансовой помощи участникам инновационного предпринимательства со стороны субъекта РФ остается вхождение в федеральные проекты и программы развития науки и технологий. А здесь немаловажную роль играют лоббистские возможности заинтересованных лиц. Именно этим обусловлена та повышенная активность, которую проявляют регионы по поводу различных федеральных инициатив инновационной направленности, будь то создание технопарков высоких технологий или инновационных кластеров.

Копирование методических подходов, ориентированных на макроэкономические задачи и (или) другой уровень развития иннова-

ционных систем и социально-экономической среды, и недостаточная критичность при выборе заменяющих показателей неизбежно сказываются на качестве результатов. В качестве примера можно привести работу Н. Волковой и Э. Романюк [2], где не только схема формирования интегральной оценки инновационной активности очень близка к индексу инноваций Евросоюза, но сохранена и его аббревиатура (SII). Не вдаваясь в подробности методики, следует отметить, что если перечень регионов, отнесенных авторами к первому (наилучшему) типу, особых вопросов не вызывает, то уже во второй группе такие безусловные лидеры инновационной деятельности, как Свердловская, Самарская области, Республика Татарстан мирно соседствуют с Приморским и Хабаровским краями. Использование данной типизации при формировании стратегии инновационного развития российских регионов весьма проблематично.

Следует отметить, что подобные накладки неизбежны при изолированном рассмотрении инновационной сферы без анализа действительных причин внезапных всплесков инновационной активности в различных регионах страны и прочности вызываемых ими изменений.

Так, в настоящее время в России, если судить по данным официальных ежегодников Росстата (которые, несмотря на развитие информационных технологий, традиционно выпускаются в свет с отставанием от реальной ситуации примерно на 1–1,5 года), в России наблюдается бурный рост инновационного предпринимательства. За 2000–2012 гг. затраты на технологические инновации в целом по РФ в сопоставимых ценах возросли в 3,5 раза, а выпуск инновационной продукции — в 4,4 раза. Однако анализ показывает, что это именно тот случай, когда позитивные изменения статистических показателей в действительности маскируют процесс деградации [9, с. 20].

Рост затрат на инновации идет, главным образом, за счет реализации масштабных федеральных проектов по освоению нефтегазовых месторождений и расширению экспортного потенциала энергосырьевого сектора, а также обновления основных фондов металлургических производств преимущественно за счет закупки зарубежной техники и технологий, что является отражением общей тенденции усиления сырьевой ориентации экономики РФ. Из общих затрат на технологические инновации в производственном секторе страны сегодня 33 % приходится на металлургию, коксохимию

и нефтепереработку, 15 % — на добычу полезных ископаемых, 11 % — на транспортировку электроэнергии, газа и воды, и также почти 11 % — на производство транспортных средств и оборудования (главным образом, за счет размещения отверточных производств зарубежных автопроизводителей), а на такой ключевой для становления инновационной экономики сектор, как производство машин и оборудования, — лишь 2,1 % (рассчитано по [16]). Что касается ВПК, где создается более 70 % всей производимой в России наукоемкой продукции, то здесь эксплуатируется около 75 % морально устаревшей и на 50 % изношенной активной части производственных фондов. Темпы их обновления составляют не более 1 % в год при необходимых 8–10 % [6, с. 77, 82].

Как следствие, инновационная деятельность все больше приобретает имитационный характер, а среди регионов РФ сегодня именно Сахалинская область с большим отрывом лидирует не только по удельным затратам на технологические инновации и их приросту (почти в 110 раз по сравнению с 2006 г.), но и по выпуску инновационной продукции в расчете на 10 тыс. занятых в экономике (правда, последнее, скорее, по недосмотру органов статистики). Но, в любом случае, это — временное явление, так как имманентно присущих источников инновационного развития у данного региона нет, а их создание, даже при целенаправленных усилиях, занимает не менее 10–15 лет.

Наряду со слабой увязкой с современными проблемами инновационно-технологического развития России, много более существенным недостатком большинства предлагаемых методик сравнительной оценки уровня инновационного развития регионов РФ является отсутствие четкого целеполагания, то есть представления о том, для решения каких именно задач государственного управления или бизнеса и каким образом могут быть задействованы полученные результаты с учетом наработанных в мировой практике технологий использования инноваций для укрепления предпосылок успешного социально-экономического роста территории.

Таким образом, одним из актуальных аспектов изучения феномена инновационной безопасности региона является разработка методологических основ выбора стратегических приоритетов ее обеспечения.

Понимание инноваций как важного фактора здорового роста, обладающего мощным положительным преобразующим воздействием на все составляющие социально-эко-

номического организма региона, и, одновременно, признание того факта, что зависимость безопасности развития территорий изначально разных архетипов и существенно различающихся по источникам экономического развития, от состояния инновационных факторов роста весьма различна, требует перехода к совместному комплексному рассмотрению проблем инновационного и социально-экономического развития при решении вопросов управления инновационной безопасностью территориальных образований. Представляется, что такой методологический подход позволит вырваться из нескончаемой череды безликих и малоинформативных рейтингов и приблизиться к формированию необходимой научной и информационной базы для принятия обоснованных и эффективных решений по выбору стратегических приоритетов обеспечения инновационной безопасности регионального развития РФ с учетом специфики конкретных территорий.

Известно, что для регионов и стран, чья экономика опирается в основном на высокотехнологичные производства и виды услуг, снижение инновационной активности в условиях глобальных рынков практически сразу же сказывается на их конкурентоспособности, тогда как для районов, живущих за счет продажи полезных ископаемых, это далеко не так актуально. Данная реальность получила конкретное числовое отображение в работах Х. Сала-и-Мартина, положенных в основу ежегодного доклада Всемирного экономического форума (ВЭФ) о глобальной конкурентоспособности [23]. Это исследование привлекает, прежде всего, схожестью целей — оценкой способности развития, широким рассмотрением проблемы, системным подходом к отбору влияющих факторов и учету их взаимодействия.

При формировании глобального индекса конкурентоспособности (*GCI*) субиндексы, характеризующие состояние различных факторов конкурентоспособного роста, учитываются с весовыми коэффициентами, значения которых варьируются в зависимости от стадии экономического развития, на которой находится каждая из стран, участвующих в рейтинге. По мнению экспертов ВЭФ, вклад факторов инноваций и развитости (буквально — изощренности) бизнеса в обеспечение конкурентоспособности стран в настоящее время составляет от 5 % (для наиболее бедных, ресурсоориентированных стран) до 30 % (для стран, находящихся на инновационной стадии развития) [23, с. 10]. Для России весовому коэффициенту инно-

ваний и развитости бизнеса при расчете *GCI* было присвоено значение 23,1 % [23, с. 326]; то есть экспертами ВЭФ признается достаточно высокая зависимость конкурентоспособности экономики современной России от состояния инновационной деятельности.

На мезоуровне, особенно для такой контрастной в социально-экономическом отношении страны, как Россия, дифференциация регионов по степени зависимости безопасности развития от инновационных факторов также представляется необходимой. Вместе с тем это вовсе не значит, что регионы, экономика которых базируется, и в обозримой перспективе также будет базироваться преимущественно на добыче и продаже природных ресурсов, могут пренебречь вопросами укрепления инновационной безопасности. Современное производство вкупе с убыстряющимися темпами научно-технического прогресса предъявляет высокие требования к квалификации и способности к самообучению инженерно-технических работников даже в случае, если они ориентированы преимущественно на организацию технологических процессов, закупку и обеспечение бесперебойной работы готового оборудования. Поддержание этих качеств требует создания соответствующей среды. Кроме того, инновационность сама по себе — важный фактор устойчивости социумов. Она является мощным стимулом повышения разнообразия сферы производства и услуг, роста их качества и способствует повышению привлекательности региона как места постоянного жительства для наиболее креативной и образованной части населения, в том числе талантливой местной молодежи.

При выборе стратегических приоритетов обеспечения инновационной безопасности следует учитывать, что потребности регионов разных социально-экономических типов в инновационной деятельности существенно различаются не только в отношении ее масштабов, но качества и характера. Чем выше научный и образовательный потенциал региона, тем сложнее и разнообразнее должна быть организована его инновационная система, чтобы быть способной обеспечить своевременное преобразование новых знаний, продуцируемых наукой, в новые виды товаров, технологий и услуг и их продвижение к потребителю, а также дать возможность для самореализации людям, обладающим способностью к исследовательской и инновационной деятельности. В регионах, где нет сильных научных центров и традиций проведения научных исследований, инно-

вационная система неизбежно будет, в той или иной мере, носить редуцированный характер.

Однако принципиально важно, чтобы инновационная система региона ориентировалась не только на удовлетворение сегодняшних запросов экономики региона, но создавала необходимые предпосылки для успешного долгосрочного развития территории с учетом возможных трансформаций социально-экономической реальности под воздействием научно-технического прогресса, и снижения кризисных явлений, вызываемых неизбежной сменой технологических укладов и парадигм развития. То есть работала на перспективу. Это, пожалуй, один из наиболее методологически сложных аспектов создания инновационной стратегии. Сегодня в научном сообществе одним из наиболее эффективных вариантов формирования образов будущего признаются форсайт-технологии. Однако их реализация в России осложнена общей нестабильностью ситуации, характерной для периода реформ, высокой стоимостью и организационной сложностью проведения соответствующих работ и ослабленностью основных факторов консолидации общества.

Вопиющее недоиспользование научных результатов экономикой РФ — прямое следствие нерациональной структуры инновационной системы страны, ее несоответствия логике рыночной экономики и нарастающей дистрофии высокотехнологичного сектора, для которого НИОКР высокой степени научной новизны являются жизненно важным ресурсом поддержания конкурентоспособности. Сегодня в России используется всего 8–10 % инновационных идей и проектов, тогда как в США — 62 %, а в Японии — 95 % [5, с. 43]. Как следствие, по поступлениям от экспорта технологий США обгоняет нас почти в 170 раз, Германия — в 90 раз, а Япония — в 45 раз [8, с. 394].

Невостребованный в отечестве научный потенциал активно вовлекается в инновационные системы других стран и международных корпораций. В последние годы транснациональные компании открывают исследовательские центры в крупнейших городах России. Наибольшим спросом у зарубежных фирм пользуются разработки российских специалистов в области информационных технологий (самые крупные позиции в этом сегменте российского рынка НИОКР занимают компании IBM, Hewlett-Packard, Siemens), электроники (Intel, Motorola, Sun), аэрокосмической промышленности (Boeing, Airbus) и нефтедобычи (Schlumberger) [1, с. 7–30]. Поэтому, учи-

тывая объективно существующие взаимосвязи между состоянием науки и производства и востребованность наших ученых со стороны крупнейших международных корпораций, решение проблемы повышения эффективности затрат на науку в России правильнее было бы начинать не с самой науки, хотя в ней и накопилось за прошедшее время немало недостатков, а с создания предпосылок для повышения спроса на НИОКР со стороны субъектов хозяйственной деятельности и, в первую очередь, ускоренного развития высокотехнологичного сектора экономики.

Методы решения этой задачи хорошо известны и неоднократно апробированы при решении проблем инновационного развития разных стран: создание особо благоприятных экономических режимов осуществления предпринимательской деятельности для наукоемкого сектора, резкое увеличение государственных затрат на подготовку технических специалистов всех уровней и на проведение исследований по наиболее приоритетным и дорогостоящим направлениям, необходимым для достижения лидерства в наукоемких и технологически сложных видах производств, а также, если речь идет о странах, ориентирующихся на рыночную модель хозяйствования, ограничение монополизма (в том числе и государственного) и защита частной собственности. Однако сегодня государственное управление пропорциями развития экономики в РФ организовано таким образом, что сальдированный финансовый результат в расчете на одного занятого в производстве машин, электронного и оптического оборудования составляет не более 1,5–2,0 % от значений этого показателя для топливно-энергетического комплекса. Это перекрывает перспективы становления в стране гражданских наукоемких производств, ориентирующихся на создание принципиально новых продуктов и технологий. Между тем угасание источников инновационного роста имеет не только экономические, но и не менее тяжелые социальные последствия, способные надолго подорвать основы жизнестойкости общества. В первую очередь, это снижение качества человеческого потенциала, маргинализация значительной части населения, утрата общей и производственной культуры, навыков научной и инновационной деятельности.

Технологическая отсталость требует проведения масштабных заимствований зарубежных технологий для поддержания конкурентоспособности существующих производств. Но при этом ни в коем случае не должны угне-

Показатели развития научной и инновационной деятельности в регионах УрФО и среднегодовые темпы их роста за период 2006–2012 гг.

Регион	Численность занятых исследованиями и разработками		Внутренние затраты на НИОКР		Затраты на технологические инновации		Объем инновационной продукции	
	чел. на 10 тыс. занятых в экономике ^{*)}	Среднегодовые темпы роста, %	тыс. руб. на 10 тыс. занятых в экономике ^{*)}	Среднегодовые темпы роста, % ^(**)	тыс. руб. на 10 тыс. занятых в экономике ^{*)}	Среднегодовые темпы роста, % ^(**)	тыс. руб. на 10 тыс. занятых в экономике ^{*)}	Среднегодовые темпы роста, % ^(**)
РФ	106,9	98,3	103,0	106,1	133,1	115,3	422,7	109,4
УрФО	72,4	98,2	66,7	105,6	175,3	104,4	245,3	99,7
Курганская область	17,9	91,6	7,8	104,3	27,6	102,5	61,0	84,1
Свердловская область	100,4	97,2	85,6	104,7	165,4	108,7	301,7	89,7
Тюменская область	35,2	103,4	45,7	107,3	171,5	99,8	138,0	132,2
в т. ч. ХМАО — Югра	18,4	95,8	33,8	102,1	235,3	94,1	104,7	130,0
ЯНАО	2,3	98,5	2,0	104,9	217,3	118,5	314,7	310,3
Челябинская область	94,2	98,2	81,6	105,8	225,6	106,0	344,5	98,4

Примечания: *) — по состоянию на 2012 г.; **) — в постоянных ценах.

таться факторы, обеспечивающие способность общества к серьезной самостоятельной инновационной работе, иначе это будет путь в никуда. Тотальное предпочтение инноваторам исполнителей — квалифицированных пользователей оборудования и технологий, демонстрируемое отечественным бизнесом, таит в себе угрозу для самого бизнеса вследствие перерождения качества и типа общественных ресурсов, на использовании которых он основан [9, с. 24]. Конечно, сложившаяся ситуация во многом предопределена качеством современной когорты российских собственников, обусловленном спецификой ее формирования. Между тем инновационный бизнес предъявляет высокие требования к личности руководителя, который должен быть убежденным инноватором и иметь достаточную квалификацию и опыт, чтобы разбираться в особенностях инновационной деятельности и понимать ее проблемы. В противном случае инновационным начинаниям априори уготована печальная участь ё-мобиля. Как говорил Б. Паскаль, случайные открытия совершают только подготовленные умы.

Как уже отмечалось, инновационное пространство страны очень неоднородно, при этом Уральский федеральный округ (УрФО) — один из наиболее контрастных, что обусловлено различием в базисных факторах экономического развития входящих в него субъектов РФ. Как видно по табл. 3, из регионов УрФО

только два: Свердловская и Челябинская области, — обладают достаточно сильным научным и инновационным потенциалом. Однако процессы деградации научного потенциала этих регионов, ввиду их периферийного положения, развиваются сильнее, чем в среднем по России. Темы роста затрат на НИОКР в них не дотягивают даже до среднероссийского уровня. Как следствие, Свердловская область по темпам ежегодного снижения численности занятых в НИОКР в настоящее время уже вошла в группу регионов повышенного риска: среди субъектов РФ она находится по этому показателю на 22-м месте.

Анализ данных по затратам на инновации и выпуску инновационной продукции показывают, что процессы снижения качества инновационной деятельности в УрФО развиваются весьма интенсивно, что является отражением общей ситуации в стране [3]. Как видно по табл. 3, составленной с использованием данных [14], динамика удельных объемов выпуска инновационной продукции в Свердловской, Челябинской и Курганской областях, в структуре производства которых до сих пор достаточно значимое место занимает машиностроение и предприятия ВПК, в рассматриваемый период была отрицательна, а рост этого показателя в целом по УрФО обеспечивался за счет регионов Тюменского Севера, не обладающих необходимым потенциалом для создания инноваций высокого уровня.

Ввиду объективно много более сложного, по сравнению с нефтегазовым комплексом, финансового положения обрабатывающих производств, которые составляют основу экономик Свердловской и Челябинской областей и отсутствия системы государственной поддержки ключевых направлений их развития, темпы роста затрат на инновации в этих субъектах РФ также существенно отставали от средних по стране. Так, если в целом по РФ среднегодовые темпы роста затрат на инновации в 2006–2012 гг. составляли 115,3 %, то в Свердловской области — 108,7 %, а в Челябинской — 106,0 %. Преодоление этих процессов требует изменения отношения государства к проблемам обеспечения инновационной безопасности и проведения ответственной государственной инновационной политики.

Ориентированность задачи укрепления источников инновационного роста на долгосрочную перспективу предполагает необходимость взаимосвязанного учета при разработке соответствующей стратегии интересов повышения инновационной безопасности конкретных территорий и страны в целом, так как региональные инновационные системы изначально являются открытыми и очень чувствительны к импульсам извне. Сегодня Россия занимает 6-е место в мире по объему внутреннего рынка. Превращение этого факта в реальное конкурентное преимущество страны в реалиях инновационной экономики связано, в первую очередь, с созданием предпосылок для использования его возможностей для развития собственных наукоемких производств [13].

Речь идет о выстраивании многоуровневой эшелонированной инновационной системы страны, где регионы — лидеры по развитию научно-технического потенциала и созданию инноваций смогли бы сыграть роль своеобразного локомотива инновационного преобразования экономики.

Расширение ареала воздействия локальных источников инновационного роста на пространственные экономические процессы в РФ требует перехода к серьезной систематической работе по формированию стимулов к инновационной деятельности и, в первую очередь, самого субъекта инновационной деятельности, а также определенных мер по защите внутреннего рынка и снижению масштабов «оффшорного бегства» капитала как обязательных предпосылок укрепления и развития взаимосвязей между субъектами хозяйственной деятельности внутри страны и создания в ней коридоров для распространения инноваций.

Для выбора региональных приоритетов повышения инновационной безопасности при формировании государственной инновационной политики федерального уровня (а именно на этом уровне, как уже отмечалось, сегодня сконцентрированы основные полномочия и организационно-финансовые рычаги управления инновационным развитием российских территорий) могут быть использованы результаты проведенных автором расчетов по оценке инновационного климата и анализу факторов инновационного роста в разных регионах РФ. Методологические подходы, положенные в основу формирования индекса инновационного климата, изложены в работах [17, 21].

Из табл. 4 видно, что Свердловская и Челябинская области среди регионов УрФО имеют наибольшие перспективы для создания инноваций высокого уровня. Они занимают достаточно высокие места в рейтинге регионов РФ как по интегральному индексу инновационного климата (9-е и 12-е места соответственно по состоянию на 2012 г.), так и субиндексам, характеризующим развитие инновационной и научно-технической деятельности. Вместе с тем Свердловская область опережает Челябинскую по численности и качеству научных работников (здесь расположены основные институты, до недавнего времени входившие в УрО РАН, выше число сотрудников, имеющих научную степень), а также развитию инновационной инфраструктуры. Проблема Курганской области — крайне узкий сегмент промышленного производства, который в основном ограничен предприятиями ВПК.

Необходимо отметить, что идущая в настоящее время реорганизация оборонной промышленности, в основе которой лежит идея выстраивания ВПК по принципу государственной вертикально интегрированной структуры, является если не единственным, то организационно наиболее легко и быстро осуществимым вариантом сохранения ее дееспособности в современных экономических реалиях России. Однако этот очевидный тактический выигрыш таит в себе угрозу практически полного замыкания сконцентрированного там потенциала в рамках закрытых предприятий, как это было во времена СССР, и, как следствие, резкое ослабление предпосылок его использования для решения проблем становления гражданского сектора инновационного предпринимательства, включая возможности трансферта технологий «двойного назначения» [18].

Главным содержанием инновационной деятельности регионов Тюменского Севера яв-

Место, занимаемое регионами УрФО по уровню развития инновационного климата и формированию центров инновационной активности различной специализации среди субъектов РФ

Регион	Индекс инновационного климата					Приоритетность формирования центров инновационной активности, ориентированных по поддержке развития	
	Всего	в том числе субиндексы				высокотехнологичных производств	металлургии и металлообработки
		научно-технической деятельности	инновационной деятельности	социально-экономической среды	инновационной инфраструктуры		
Курганская область	36	38	59	25	50	53	46
Свердловская область	9	12	13	3	5	6	1
Тюменская область	40	46	23	50	24	38	37
в т. ч. ХМАО — Югра	70	70	20	74	44	60	65
ЯНАО	61	82	7	69	68	71	76
Челябинская область	12	14	11	9	17	11	2

ляется приобретение производственного оборудования и технологий преимущественно зарубежных фирм. На эти три субъекта РФ приходится 97 % выплат по импорту технологий УрФО. Состояние социально-экономической среды в отношении развития наукоемких обрабатывающих производств в них неблагоприятно. Объективных предпосылок для сколько-нибудь существенного укрепления научного потенциала этих регионов также нет (несмотря на высокие заработки, эти регионы явно непривлекательны для интеллигенции в качестве места постоянного жительства ввиду сурового климата, узкого спектра возможностей по трудоустройству и выбору рода занятий для этой группы специалистов, и недостаточного культурного потенциала территории).

Сегодня Россия по состоянию факторов инновационного роста оказалась отброшенной далеко назад по сравнению с так называемыми развитыми и значительной частью развивающихся стран. По рейтингам большинства международных агентств по инновационным факторам развития мы находимся на уровне достаточно отсталых стран, с несравнимо более низким, чем у России, научно-техническим потенциалом. Так, по результатам последнего рейтинга ВЭФ [23, с. 534] по фактору инноваций мы занимаем 64-е место, находясь в тесном окружении Чили, Замбии, Латвии и Брунея. Это, в первую очередь, связано с тяжелейшими трансформациями общественного сознания и социально-экономических отношений, которые необходимо пройти России, чтобы обрести способность после почти столетнего периода социализма вернуться к нормальному устройству жизни. Российскому обществу надо за-

ново усвоить основные ценности, без которых невозможно успешное экономическое развитие за пределами жестких диктатур: уважение к личности, правам собственности и достатку, примату законности и свободы предпринимательства, равенства граждан перед законом. А именно эти ценности были особенно дискредитированы в период перестройки. По большому счету, людям заново надо научиться быть свободными, приучиться брать на себя ответственность за себя и свою страну, а это очень трудно, когда связь поколений разорвана и перед глазами практически нет живых примеров того, что такое по-настоящему свободный человек, как он живет и чем руководствуется в своих действиях.

Если говорить об экономике, то следует признать, что большая часть производственной сферы страны, сформировавшаяся в до-реформенный период, неадекватна новой реальности и постепенно должна уйти или существенно преобразоваться. Задача состоит в том, чтобы вместе с отжившими формами хозяйственной деятельности не утратить того, что представляет наибольшую ценность для сохранения перспектив развития России — накопленный потенциал, традиции и технологии образования (включая весьма успешный опыт подготовки технических специалистов разных уровней), научной и инновационной деятельности, достаточно высокий уровень производственной и технологической культуры, особенно в средне- и высокотехнологичном секторах промышленности, и навыки его поддержания.

Учитывая угнетенное состояние научной и инновационной деятельности в РФ, обуслов-

ленное явным несоответствием качества социально-экономической среды, в том числе институтов управления, уровню развития человеческого потенциала и состоянию технико-технологических факторов роста, доставшихся в наследство от предыдущего исторического этапа, наиболее важным направлением работы по обеспечению инновационной безопасности является сохранение накопленного потенциала и его вовлечение в экономические процессы. Поэтому на первых порах безусловный приоритет федеральной государственной политики по обеспечению инновационной безопасности должен отдаваться территориям, обладающим наиболее высоким уровнем научно-технического потенциала, способностью к созданию инноваций и готовностью производственного комплекса к реализации проектов, нацеленных на создание продуктов и технологий высокого уровня технической сложности и новизны. То есть тем, которые на сегодня обладают реальными и достаточно прочно укорененными источниками инновационного роста.

Следующая методологическая проблема — обоснование специализации формируемых в регионах центров инновационной активности. Естественно, что при выборе специализации следует исходить из условия создания комфортной инновационной среды для долговременного успешного развития с учетом специфики конкретного региона (его изначального архетипа, состояния и структуры научно-технического и хозяйственного комплексов, потребностей в модернизации, и т. д.). Решение этой задачи требует углубленного анализа возможностей научно-технического и производственного потенциалов регионов по развитию различных направлений науки, техники и технологий, которые квалифицируются профессиональными сообществами как наиболее перспективные, с учетом воздействия различных сценариев инновационного развития на решение актуальных социально-экономических проблем, как региона, так и России в целом. Также следует принимать во внимание общие перспективы дальнейшего технологического развития территорий, удачность их расположения с точки зрения трансферта инноваций, создаваемых в этих центрах.

К сожалению, современная статистическая база РФ плохо приспособлена к решению задач обеспечения инновационной безопасности. Тем не менее, данные официальной статистики уже сегодня позволяют сделать определенные выводы о предпочтительности размещения в регионах РФ с относительно

благоприятным инновационным климатом инновационных центров различной специализации, ориентируясь на степень концентрации в этих регионах тех или иных видов производств. В качестве ориентира при обосновании предпочтительной специализации центров инновационной активности, создаваемых в регионах при поддержке Федерации, могут быть использованы предлагаемые оценки уровня приоритетности, представленные в табл. 4. Соответствующие индексы сформированы на основе данных о численности занятых и объемах выпуска продукции предприятиями соответствующих видов производств по регионам РФ.

Проведенные расчеты показывают, что Свердловская и Челябинская области занимают лидирующие позиции среди регионов РФ по предпочтительности развития центров инновационной активности, ориентированных на укрепление конкурентоспособности металлургии и металлообработки, и также достаточно высокие места — по приоритетности формирования в них институтов поддержки субъектов инновационного предпринимательства, специализирующихся на проблемах среднетехнологичных высокого уровня и высокотехнологичных производств (6 и 11 места соответственно).

Конкретизация направлений деятельности инновационных центров, ориентированных на поддержку развития среднетехнологичных высокого уровня и высокотехнологичных производств, определяется исходя из специфики научно-образовательного комплекса и соответствующего сектора производства региона и имеющихся проблем повышения его конкурентоспособности по технико-технологическим параметрам.

В настоящее время одним из острейших вопросов обеспечения инновационной безопасности России и формирования предпосылок для реализации инновационной парадигмы развития является повышение технико-технологического уровня отечественного машиностроения и, особенно, его инновационности, в смысле способности к созданию разработок, которые могли бы конкурировать с зарубежными не только по цене, но и качеству. Вследствие длительного периода недоинвестирования воспроизводства активной части основных фондов машиностроительных производств и деградации производственного аппарата, Россия сегодня поставлена перед фактом ликвидации в стране широкомасштабного производства машин с помощью машин. По

сравнению с 1992 г. объем производства металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования сократился в 15 раз, а станков с ЧПУ — в 25 раз [4, с. 127]. Как следствие, сильно возросла зависимость отечественного производства от зарубежных производителей инвестиционного оборудования. В настоящее время удельный вес импорта в составе общих капиталовложений в оборудование составляет уже порядка 60 % [10, с. 49].

Как показывает анализ потенциала регионов УрФО, Свердловская и Челябинская область по уровню имеющихся здесь науч-

но-технических разработок, кадровой и технологической базы сохранившихся производств имеют все основания рассматриваться в качестве наиболее перспективных для размещения здесь инновационных центров, ориентированных на развитие отечественного машиностроения.

Реализация изложенных положений при решении проблем управления региональным развитием позволит повысить качество и экономическую целесообразность принимаемых решений по обеспечению инновационной безопасности российских регионов.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-02-00331 «Инновационно-технологическое развитие региона: оценка, прогнозирование и пути достижения».

Список источников

1. Андрюшкевич О. А., Денисова И. М. Современное состояние национальных инновационных систем // Анализ и моделирование экономических процессов. Сб. стат. Вып. 9. — М.: ЦЭМИ РАН, 2012. — 163 с.
2. Волкова Н., Романюк Э. Оценка инновационной активности регионов России // Федерализм. — 2012. — №1. — С. 161-178.
3. Голова И. М. Проблемы формирования инновационно-технологического имиджа российских регионов // Экономика региона. — 2012. — № 2. — С. 105-111.
4. Грибков А., Захарченко Д., Корниенко А. Конкурентоспособность станкостроения России // Вопросы экономики. — 2013. — № 4. — С. 126-137.
5. Емельянов Ю. С. Типологизация инновационной деятельности и оценка инновационной активности // Экономика и управление. — 2011. — № 9. — С. 41-47.
6. Ерыгин Ю. В., Саакян А. М. Оборонно-промышленный комплекс России тенденции развития // ЭКО. — 2010. — № 7. — С. 75-86.
7. Индикаторы инновационной деятельности. 2014 : стат. сб. — М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2014. — 472 с.
8. Индикаторы науки: 2014 : стат. сб. — М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2014. — 400 с.
9. Карачаровский В. Два измерения технологической модернизации. О коммерческой и общественной эффективности промышленного производства в России // Общество и экономика. — 2012. — № 12. — С. 20-43.
10. Корнев А. Об обновлении активной части основного капитала производственной сферы // Экономист. — 2013. — № 1. — С. 47-58.
11. Мау В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 г. // Вопросы экономики. — 2014. — № 2. — С. 4-32.
12. Металлургия: тенденции и прогнозы // Аналитический бюллетень рейтингового агентства «РиаРейтинг». 2013. вып. 13. [Электронный ресурс]. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/met_13.pdf (дата обращения: 20.04.2014).
13. Некителов А., Ивантер В., Глазьев С. Политика перехода к эффективной экономике // Экономист, 2014. — № 1. — С. 4-15.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 : стат. сб. / Росстат. — М., 2013. — 990 с.
15. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Аналитический доклад / под ред. Л. М. Гохберга. — М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2012. — 104 с.
16. Российский статистический ежегодник. 2013: стат. сб. / Росстат. — М., 2013. — 717 с.
17. Суховой А. Ф., Голова И. М. Инновационные возможности саморазвития региона. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. — 200 с.
18. Суховой А. Ф. Научно-технологические парки как механизм передачи технологий // Журнал экономической теории. — 2011. — № 2. — С. 82-88.
19. Федеральное казначейство. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roskazna.ru/konsolidirovannogo-byudzheta-rf>.
20. Федорченко А. В., Левченко А. В. Инновационные комплексы в мировом хозяйстве. Опыт развитых стран // Наука — экономика — промышленность — XXI век. — 2006. — № 3-4. — С. 19-26.
21. Экономическая безопасность России. Уроки кризиса и перспективы роста / Под ред. В. А. Черешнева, А. И. Таркина, М. В. Федорова. Т. 1. — Екатеринбург, ИЭ УрО РАН, 2012. — 1312 с.
22. Innovation Union Scoreboard 2014 / European Union. — Belgium, 2014. — 100 p.
23. The Global Competitiveness Report 2013–2014 / World Economic Forum. [Electronic resource]. URL: <http://www.weforum.org/gcr> (дата обращения: 5.05.2014).
24. The Global Innovation Index. 2013. / Cornell University; the Business School for the World INSEAD; the World Intellectual Property Organization (WIPO). [Electronic resource]. URL: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=gii-full-report-2013> (дата обращения: 5.05.2014).

Информация об авторе

Голова Ирина Марковна (Екатеринбург, Россия) — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора социальных инноваций, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: irina_golova@mail.ru).

I. M. Golova

Substantiation the strategic priorities of innovation regional development security

In this article are discussed methodological challenges for strategic priorities ensure security innovation regional development. It is shown that in modern conditions innovative safety is an independent and very important area of security of the region. This innovative security should be understood as a qualitative characteristic that gives insight into the regional socio-economic systems requirements and challenges of the innovation economy, including their ability to recombination. It is considered the basic patterns and features of mutual influence and interaction of innovative and traditional socio-economic development of the territories. The necessity of the joint integrated treatment of innovation and socio-economic development in the management of innovative safety of the region is founded. It is given suggestions on fundamental approaches to the solution of the problem of selecting priority areas for strengthening the sources of innovation development successfully tailored to specific territories. The main positions are illustrated in the example the regions of the Ural Federal District.

Keywords: innovation, innovation strategy, socio-economic transformation, strengthening the sources of innovation growth

The article is done with the support of the Russian Humanitarian Scientific Fund, project № 14-02-00331 "Innovative and technological development of a region: assessment, forecasting, and achievement ways".

References

1. Andryushkevich, O. A. & Denisova I. M. (2012). Sovremennoye sostoyanie natsionalnykh innovatsionnykh sistem [Current state of the national innovative systems]. *Analiz i modelirovanie ekonomicheskikh protsessov [Analysis and modeling of economic processes. Collection of articles, Issue 9]. Moscow, TsEMI RAN [The Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences]*, 163.
2. Volkova, N. & Romanyuk, E. (2012). Otsenka innovatsionnoy aktivnosti regionov Rossii [Assessment of innovative activity of regions of Russia]. *Federalizm [Federalism]*, 1, 161-178.
3. Golova, I. M. (2012). Problemy formirovaniya innovatsionno-tekhnologicheskogo imidzha rossiyskikh regionov [Problems of development of innovative and technological image of the Russian regions]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 2, 105-111.
4. Gribkov, A., Zakharchenko, D. & Kornienko A. (2013). Konkurentosposobnost stankostroeniya Rossii [Competitiveness of Russian machine tool industry]. *Voprosy ekonomiki [Questions of Economy]*, 4, 126-137.
5. Yemelyanov, Yu. S. (2011). Tipologizatsiya innovatsionnoy deyatel'nosti i otsenka innovatsionnoy aktivnosti [Classification and assessment of innovative activity]. *Ekonomika i upravleniya [Economy and management]*, 9, 41-47.
6. Yerygin, Yu. V. & Saakyan, A. M. (2010). Oboronno-promyshlennyy kompleks Rossii tendentsii razvitiya [Defense industry complex of Russia, development tendency]. *EKO*, 7, 75-86.
7. *Indikatornyy innovatsionnoy deyatel'nosti. 2014: stat. sb. [Indicators of innovative activity. 2014: collection of articles]. Moscow, NIU Vysshaya shkola ekonomiki [Higher School of Economics — National Research University]*, 472.
8. *Indikatornyy nauki: 2014: stat. sb. [Science indicators: 2014: collection of articles]. Moscow, NIU Vysshaya shkola ekonomiki [Higher School of Economics]*, 400.
9. Karacharovskiy, V. (2012). Dva izmereniya tekhnologicheskoy modernizatsii. O kommercheskoy i obshchestvennoy effektivnosti promyshlennogo proizvodstva v Rossii [Two measurements of technological modernization. On the commercial and public effectiveness of industrial production in Russia]. *Obshchestvo o ekonomika [Society and economics]*, 12, 20-43.
10. Kornev, A. (2013). Ob obnovenii aktivnoy chasti osnovnogo kapitala proizvodstvennoy sfery [On updating of active part of fixed capital of the production sphere]. *Ekonomist [Economist]*, 1, 47-58.
11. Mau, V. (2014). V ozhidanii novoy modeli rosta: sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye Rossii v 2013 g [Waiting for the new model of growth: socioeconomic development of Russia in 2013]. *Voprosy ekonomiki [Questions of Economics]*, 2, 4-32.
12. Metallurgiya: tendentsii i prognozy [Metallurgy: tendencies and forecasts]. (2013). *Anaiticheskyy byulleten reytingovogo agentstva «RiaReyting». [Analytical bulletin of Riareyting rating agency]*, 13. Available at: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/met_13.pdf (date of access: 20.04.2014).
13. Nekipelov, A., Ivanter, V. & Glazyev S. (2014). Politika perekhoda k effektivnoy ekonomike [Policy of transition to effective economy]. *Ekonomist [Economist]*, 1, 4-15.
14. Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli. 2013: stat. sb. [Regions of Russia. Socio-economic indexes. 2013: collection of articles]. Rosstat, Moscow, 990.
15. Gokhberg, L. M. (Ed.) (2012). *Reyting innovatsionnogo razvitiya subyektov Rossiyskoy Federatsii. Analiticheskiy doklad [Rating of innovative development of subjects of the Russian Federation. The analytical report]*. Moscow, NIU Vysshaya shkola ekonomiki [Higher School of Economics — National Research University], 104.
16. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2013: stat. sb. [Statistical Yearbook of Russia. 2013: collection of articles]. Rosstat, Moscow, 717.*
17. Sukhovey, A. F. & Golova, I. M. (2010). *Innovatsionnyye vozmozhnosti samorazvitiya regiona [Innovative opportunities of self-development of a region]*. Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics, UB RAS], 200.

18. Sukhovey, A. F. (2011). Nauchno-tehnologicheskii parki kak mekhanizm peredachi tekhnologii [Hi-Tech park as a mechanism of technology transfer]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [Journal of Economic Theory]*, 2, 82-88.
19. *Federalnoye kaznacheystvo [Federal Treasury]*. Available at: <http://www.roskazna.ru/konsolidirovannogo-byudzheta-rf/>
20. Fedorchenko, A. V. & Levchenko, A. V. (2006). Innovatsionnyye kompleksy v mirovom khozyaystve. Opyt razvitykh stran [Innovative complexes in the world economy. Experience of the developed countries]. *Nauka — ekonomika — promyshlennost — XXI vek [Science — economy — industry — the XXI century]*, 3-4, 19-26.
21. Cheresnyov, V. A., Tatarkin, A. I., & Fyodorov, M. V. (Eds.) (2012). *Ekonomicheskaya bezopasnost Rossii. Uroki krizisa i perspektivy rosta [Economic security of Russia. Lessons of crisis and growth prospect]*, (vol. 1). Yekaterinburg, IE UrO RAN [IE UB RAS], 1312.
22. *Innovation Union Scoreboard* (2014). European Union. Belgium, 100.
23. *The Global Competitiveness Report 2013–2014*. World Economic Forum. Available at <http://www.weforum.org/gcr> (date of access: 5.05.2014).
24. *The Global Innovation Index*. (2013). Cornell University; the Business School for the World INSEAD; the World Intellectual Property Organization (WIPO). Available at: <http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=gii-full-report-2013> (date of access: 5.05.2014).

Information about the author

Golova Irina Markovna (Yekaterinburg, Russia) — Doctor of Economics, Senior Researcher at the Sector of Social Innovation, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaja str., Yekaterinburg, 620014, Russia, e-mail: irina_golova@mail.ru).